

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЭРМИТАЖ

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ
СБОРНИК

выпуск
38

МАТЕРИАЛЫ И ИССЛЕДОВАНИЯ
ПО АРХЕОЛОГИИ ЕВРАЗИИ

Памяти Я. В. Доманского посвящается

Санкт-Петербург
Издательство Государственного Эрмитажа
2010

А. В. ПОЛЯКОВ, ИИМК РАН

КАРАСУКСКИЕ МОГИЛЬНИКИ ОКУНЕВ УЛУС I–II (раскопки С. А. Теплоухова 1926–1928 гг.)

В 1926 г. С. А. Теплоухов параллельно с продолжающимися исследованиями микрорайона села Батени приступил к раскопкам в других не менее богатых памятниками районах Минусинских котловин. В частности, изучение карасукских древностей было продолжено в долине реки Уйбат. Этот период деятельности совершенно не отражен в работах исследователя [21; 22] и мало известен широкому кругу ученых.

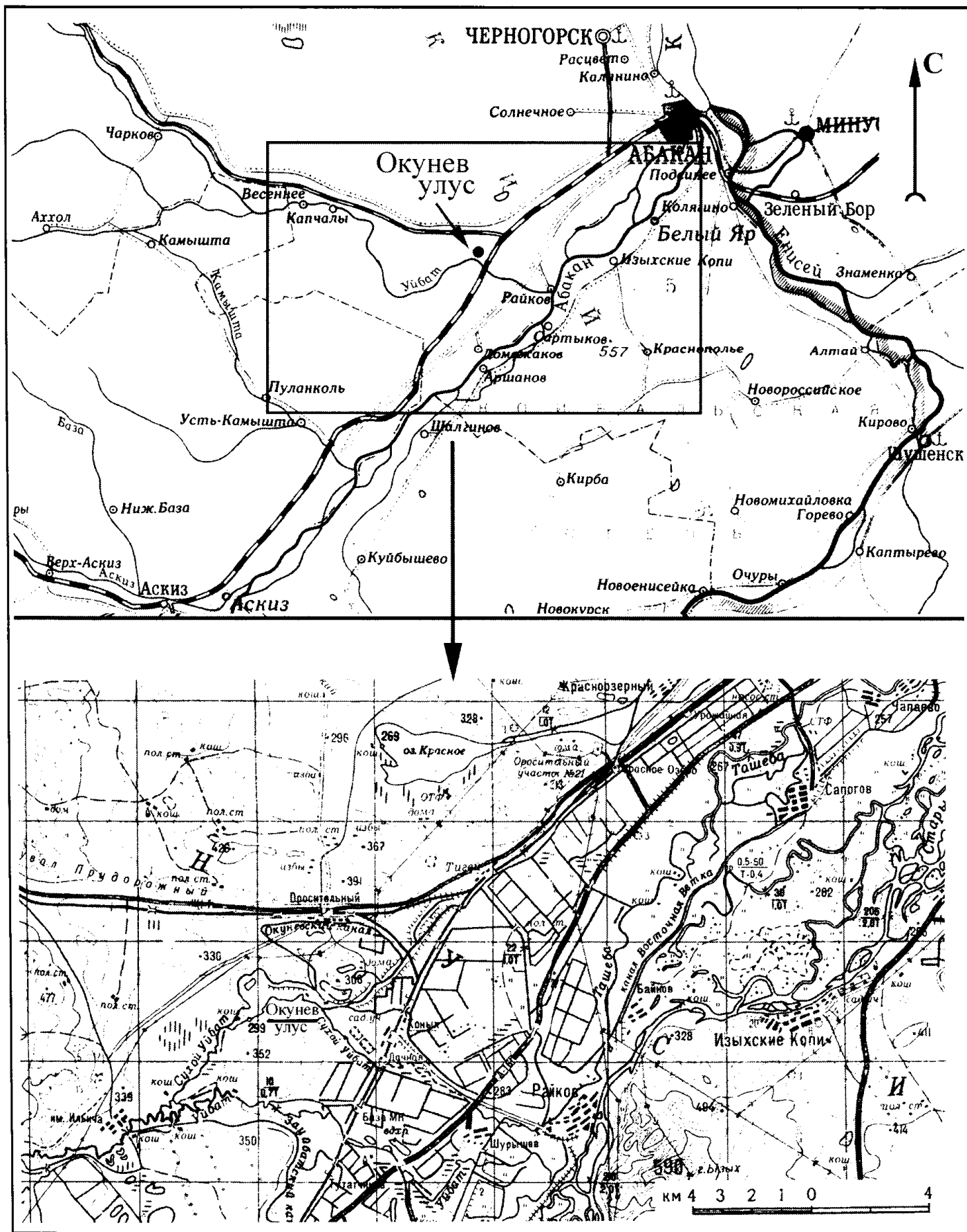
Раскопки карасукских погребений в течении реки Уйбат проводились С. А. Теплоуховым в двух местах. В верхней части реки в 1928 г. были исследованы три могилы в районе улуса Чарков. В дальнейшем работы на этом памятнике были продолжены М. М. Герасимовым в 1936 г., и в связи с этим материалы могильника Чарков планируется опубликовать отдельно. В нижнем течении реки Уйбат на протяжении трех лет (1926–1928) проводились раскопки возле улуса Окунев, где было изучено в общей сложности 28 погребений карасукской культуры (ил. 1). Материалы этого памятника представляют определенный интерес, так как южные районы Минусинских котловин до сегодняшнего дня остаются менее исследованными, чем северные. В 1926 г. начало работ было положено раскопками трех погребений, в 1927 г. – 10, и еще 15 могил было исследовано в 1928 г.

Материалы раскопок могильников Окунев Улус I–II на сегодняшний день хранятся в фондах четырех учреждений в Санкт-Петербурге.

Отчеты о проведении работ за 1926 и 1927 гг., а также фрагмент незаконченной рукописи, посвященной исследованиям карасукских памятников, – в рукописном архиве Института истории материальной культуры РАН (Ф. 2. Оп. 1, 1926. Д. 122; 1927. Д. 125; Ф. 48. Д. 4), полевые дневники С. А. Теплоухова – в Российском этнографическом музее (Ф. 3. Оп. 1. Д. 104), антропологическая коллекция – в Музее антропологии и этнографии имени Петра Великого РАН (кол. 6160), а сами находки – в Отделе археологии Восточной Европы и Сибири Государственного Эрмитажа (кол. № 4588, 4654, 4836, 4837). Хотелось бы выразить особую благодарность старшему научному сотруднику Отдела археологии Восточной Европы и Сибири Государственного Эрмитажа Н. Н. Николаеву за помощь в изучении материалов.

Традиционно считается, что все 28 могил относятся к единому могильнику, расположенному на окраине улуса [1, с. 72]. Однако изучение архивных материалов выявило существование двух отдельных памятников, расположенных на разных берегах реки Уйбат, к одному из которых относятся 23 раскопанные могилы, а к другому – еще 5.

«Второй и третий могильники, раскопки в которых производились нами за последние гг., находятся в долине реки Сухой Уйбат (левый приток реки Абакан, впадающей в Енисей) на степи у Окунева Улуса там, где начинается большой ирригационный канал. Первый из указанных могильников расположен на



Ил. 1. Местоположение могильников Окунев Улус I и Окунев Улус II

надпойменной террасе левого берега реки Сухой Уйбат, в 300 метрах к СВ от улуса, второй на склонах пологой горы Чжелбах-тигей, в 1 км к ЮЗ от улуса (близ юрты Давида). Площади, занимаемые могильниками, имеют размеры до 0,5 кв. км. <...>

Раскопки на первом левобережном могильнике производились нами в 1926, 1927 и 1928 гг., причем в 1927 г. в раскопках участвовал научный сотрудник Русского Музея В. С. Адрианов. В 1926 г. раскопаны были могилы 1–3, в 1927 г. – с 4 по 13, и в 1928 г. – с 14 по 23. Во втором правобережном могильнике мною исследовано было пять могил» (из рукописи «Карасукские могильники на реке Уйбат близ улуса Окунева» С. А. Теплоухова).

Это разделение на два памятника нашло отражение в четырех коллекциях, хранящихся в фондах Государственного Эрмитажа. Коллекция Государственного Эрмитажа № 4588 содержит материалы за 1926 г., № 4654 – за 1927. В то же время находки из раскопок 1928 г. хранятся под двумя номерами: № 4836 – 13 погребений из того же могильника, и № 4837 – 5 погребений, которые С. А. Теплоухов раскопал на правом берегу.

Вначале находки поступили в фонды Русского Музея, причем не только археологические, но и антропологические и палеозоологические материалы. В дальнейшем археологическая часть коллекции была передана в ГЭ, а антропологическая – в фонды Отдела антропологии МАЭ. До сегодняшнего дня в работах использовались и были опубликованы только отдельные наиболее яркие предметы: ножи, богато орнаментированные сосуды, лапчатые привески [13, ил. 8, 23 и др.; 24, табл. 5–12, 6–12, 7–18]. Полная публикация всего комплекса материалов осуществляется впервые. При подготовке описания погребений использовались: текст отчета за 1926–1927 гг., полевые дневники и зарисовки С. А. Теплоухова, незаконченная рукопись, посвященная раскопкам карасукских могильников, архив М. П. Грязнова, тщательно изучавшего эти материалы.

С. А. Теплоухов каждый год начинал новую нумерацию раскопанных могил, причем система была сквозной, общей для всех исследованных в этот год могильников. Для удобства дальнейшего использования введена единая нумерация погребений за все три года, при этом в скобках указывается год и номер погребения, по дневникам. В описании по возможности сохранена манера изложения С. А. Теплоухова. Так как в данном случае мы имеем дело с двумя разными могильниками, расположенными почти в 1,5 км друг от друга на разных берегах реки Уйбат, будет обоснованным присвоить им отдельные названия. Левобережный могильник, содержащий 23 погребения будет обозначен как Окунев Улус I, а правобережный, где исследовано 5 могил, как Окунев Улус II.

Окунев Улус I

Могила 1 (1926, м. 1). Насыпь едва возвышается на поверхности степи. Ограда имеет вид кольца из каменных плиток, диаметром 17 м. Плитки лежат плашмя и большей частью задернованы. В центре ограды был расположен каменный ящик размерами 1,80 × 1 м и глубиной 0,8 м, несколько расширяющийся к северо-восточной части. Погребение ориентировано по оси ЗЮЗ–ВСВ и перекрыто мелкими плитками песчаника. В могиле обнаружены в беспорядке кости мужского скелета. По всей могиле разбросаны мелкие угольки и 4 черепка от толстостенного сосуда «с бороздчатым, беспорядочно нанесенным орнаментом». На предплечевых костях скелета были заметны следы окиси меди.

Все четыре фрагмента керамики, хранящиеся в фондах Государственного Эрмитажа (ил. 5, 1), по тесту и характерным расчесам на внутренней стороне датируются афанасьевским временем. По всей видимости, этот курган не имеет отношения к карасукской культуре.

Могила 2 (1926, м. 2). Насыпи, ограды и плит перекрытия могилы не обнаружено. Погребение было ориентировано продольной

осью ВСВ–ЗЮЗ. Размеры ящика 1 × 0,5 м (0,4 – ЮЗ), глубина – 0,6 м. В верхних ее горизонтах в северо-восточной части найдены обломки камней, похожие на осколки каменного сосуда; под ними лежал череп ребенка 6–7 лет. Скелет был ориентирован головой на восток–северо-восток. В южном направлении от черепа находились черепки, по-видимому, от круглодонного сосуда, с высокой стоячей шейкой и тремя кольцевыми желобками при ее основании (ил. 2, 1). В разных частях могилы найдены кости овцы. На плечевой кости овцы, находившейся среди костей ребенка в центральной части гробницы, обнаружена медная пластинка (ил. 2, 2). В фонды Государственного Эрмитажа она не поступила – приводим рисунок, хранящийся в архиве М. П. Грязнова.

Могилы 3 (1926, м. 3). Насыпи, ограды и плит перекрытия погребения не обнаружено. Ориентировка могилы и ее устройство сходны с предыдущими. Размеры ящика 1,8 × 0,7 м, глубина – 0,8 м. В могиле найден скелет молодой женщины, ориентированный головой на северо-восток. Кости скелета были в некотором беспорядке: крайний левый резец в нижней челюсти обращен задней стороной вперед. На дне гробницы, к югу от черепа, лежали черепки от двух глиняных сосудов. Одни – от сосуда с высокой шейкой, по-видимому, с шаровидным дном, с редким ямочным орнаментом при основании шейки (ил. 2, 3); другие – от сосуда с прямыми стенками, украшенные орнаментом из двух желобков у венчика и редкой резной ромбической сеткой, заполненной известковой инкрустацией (ил. 2, 4). В центральной части могилы найдены: две медные пронизки в виде трубочек, свернутых из медных листочков (ил. 2, 5). В разных частях могилы найдены кости овцы.

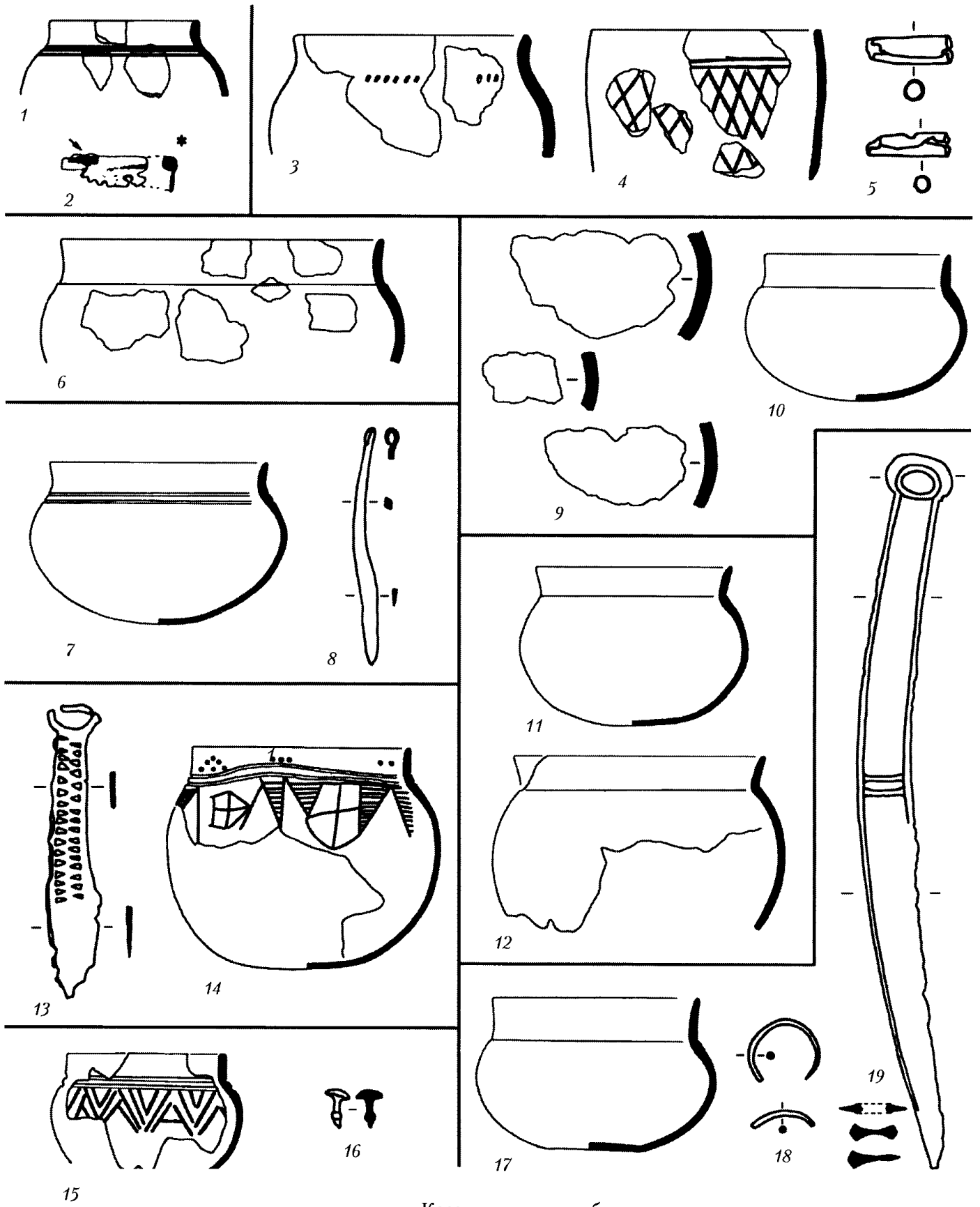
Могилы 4 (1927, м. 1). Насыпи, ограды и плит перекрытия погребения не обнаружено. Могила была ориентирована по оси СВ–ЮЗ. Размеры ящика – 1,7 × 0,5 м (0,6 м – ЮЗ); глубина – 0,4 м. Короткие стенки были сделаны из сплошных плит, длинные – из нескольких, совсем аккуратно пригнанных. На грунтовом

дне могилы найдены в беспорядке кости скелета человека, плохой сохранности, и кости стегна барана. Череп человека лежал по средней оси гробницы в 0,4 м от северо-восточной стенки. В западном углу гробницы в 0,3 м от юго-западной стенки и в 0,05 м от северо-западной стенки лежали фрагменты типично карасукского глиняного сосуда (ил. 2, 6).

Могилы 5 (1927, м. 2). Могила находилась в 40 м на восток от могилы 4. Погребение было ориентировано по оси В–З. Размеры ящика 1,5 × 0,5 м (0,55 м – ЮЗ); глубина – 0,4 м. Каждая длинная стенка гробницы сделана из двух плит, короткая – из одной. На грунтовом дне гробницы лежали в беспорядке кости ребенка. Череп ребенка лежал вверх теменем у южной стенки в 0,3 м от западной стенки. В северо-восточном углу на глубине 0,23 м от верхних краев ящика найден глиняный сосуд со сферическим дном (ил. 2, 7), под ним миниатюрный ножичек (ил. 2, 8). Среди беспорядочно разбросанных костей найдены обломки медных предметов: сильно истлевшие пластинки и как будто часть иглы.

Могилы 6 (1927, м. 3) (двойная). Оградки и насыпи не сохранилось. На поверхности степи едва выступали ребра плит, отмечая размеры и облицовку могильных ям. Общая стенка в виде каменной плиты, расположенная по линии В–З, разделяла две могилы, каждая из которых представляла собой прямоугольный каменный ящик. В северной могиле на глубине 0,45 м от поверхности почвы на грунте лежали истлевшие кости ребенка (остатки черепа у западной стенки). В северо-западном углу найдены сильно разрушенные черепки от сосуда со сферическими стенками (ил. 2, 9). По всей южной могиле на той же глубине на грунте были обнаружены в беспорядке истлевшие кости ребенка. В ее северо-восточном углу находились кости переднего стегна барана, а в северо-западном – стоял глиняный сосуд сферической формы с высокой стоячей шейкой (ил. 2, 10).

Могилы 7 (1927, м. 4). Могила находилась в 20 м к юго-востоку от предыдущей двойной



Керамика в масштабе – одна четвертая, вещи – одна вторая.

Ил. 2. Материалы могильника Окунев Улус I: 1, 2 – могила 2; 3–5 – могила 3; 6 – могила 4; 7, 8 – могила 5; 9, 10 – могила 6; 11, 12 – могила 7; 13, 14 – могила 9; 15, 16 – могила 10; 17–19 – могила 12

могилы. Размеры ящика – $1,8 \times 0,6$ м, глубина – $0,5$ м. Длинной осью могила была ориентирована по линии ЮЗ–СВ. На грунте у северо-западной стенки лежал скелет женщины, в вытянутом положении, с легким наклоном на левый бок, головой обращенный на северо-восток. Левая рука была вытянута вдоль тела, правая рука предплечьем и кистью лежала на тазовых костях. У противоположной длинной стенки, напротив левого предплечья найден глиняный сосуд со сферическим дном и стоячей шейкой, прикрытый каменной плиткой, и рядом с ним – черепки другого сосуда, также сферической формы (ил. 2, 11, 12). С обеих сторон от черепа в области височных костей обнаружены обломки колечек из медной проволоки. У юго-восточной стенки на грунте, напротив колен, лежали кости переднего стерна барана.

Могила 8 (1927, м. 5). Ребра каменных плит, служивших облицовкой могильной ямы, едва выступали на поверхности степи, отмечая размеры гробницы, ориентированной по оси С–Ю. Ограды, насыпи и плит перекрытия могилы не обнаружено. Толщина плит доходила до $0,09$ м. Длинные стенки были сделаны из 2–3 плит. Размеры ящика – $1,48 \times 0,72$ м, глубина – $0,54$ м. На грунтовом дне, в центре могилы в полном беспорядке лежали кости взрослого мужчины, высокого роста. Размеры гробницы не соответствовали росту скелета. Есть основания полагать, что это погребение датируется окуневской культурой.

Могила 9 (1927, м. 6). Насыпи, ограды и плит перекрытия могилы не обнаружено. Ребра плит боковых стенок ящика выступали над поверхностью степи, указывая ориентировку и размеры погребения, которое длинной осью было расположено по оси ВСВ–ЗЮЗ. Размеры ящика – $0,9 \times 0,54$ м, глубина – $0,63$ м; стенки ее – сплошные плиты толщиной до $0,03$ м. На грунте, являвшемся дном могилы, найдены в беспорядке разбросанные кости скелета младенца, кости переднего стерна барана и мелкие угольки. В западном углу лежал

медный ножичек (ил. 2, 13), а в восточном – обнаружены орнаментированные фрагменты глиняного сосуда со сферическими стенками и стоячей шейкой (ил. 2, 14).

Могила 10 (1927, м. 7). Могила была обнаружена в 4 м к юго-востоку от предыдущей по выступающим над поверхностью степи боковым плитам ящика. Ограды, насыпи и плит перекрытия у могилы не было. Ящик был сделан из четырех сплошных плит до $0,03$ м толщиной. Размеры ящика – $1,35 \times 0,57$ м, глубина – $0,67$ м. Длинной осью он ориентирован по линии ВСВ–ЗЮЗ. На грунтовом дне в различных местах обнаружены в полном беспорядке кости скелета подростка и среди них, в центральной части могилы, – кости переднего стерна барана. У северо-западной стенки найдена двойная полусферическая бляшка-накладка, а в восточном углу – фрагменты (плохой сохранности) от трех сосудов со сферическими стенками и стоячей шейкой. Черепки двух сосудов были лишены орнамента, фрагменты же третьего – орнаментированы (ил. 2, 15).

Кроме того, в коллекции Государственного Эрмитажа хранится бронзовый «гвоздик» (ил. 2, 16), числящийся за этой могилой. В тексте описания могилы его нет, но в описи находок в конце отчета указано: «Медная шляпка от шила. Длина – $1,3$ см».

Могила 11 (1927, м. 8). Кольцо из плашмя положенных плиток окружало небольшое круглое возвышение. Диаметр кольца около 14 м. В центре возвышения под дерновым слоем обнаружен мелкий плитняк, образующий слой $0,5$ м толщиной. Под плитами найден скелет собаки в полном порядке, головой на юго-запад.

Могила 12 (1927, м. 9). К северо-востоку от предыдущего сооружения на степной поверхности кольцо из плашмя положенных плиток диаметром до 3 м. В центре прослеживалась сплошная плита, покрывавшая могилу. Каждая продольная стенка ящика состояла из двух плит, каждая поперечная – из одной. Размеры ящика – $1,60 \times 0,65$ м, глубина – $0,64$ м.

Длинной осью погребение было ориентировано по оси СВ–ЮЗ. На грунтовом дне могилы лежал скелет молодой женщины со слегка подогнутыми ногами, обращенный головой на северо-восток и прижатый к северо-западной стенке. Рядом с кистью левой руки найден медный нож (ил. 2, 19), а в восточном углу стоял глиняный сосуд (ил. 2, 17).

Кроме того, в собрании Государственного Эрмитажа хранятся два фрагмента височного кольца (ил. 2, 18), числящиеся за этой могилой. В тексте описания могилы их нет, но в описи находок указано: «Два обломка колец из медной проволоки».

Могила 13 (1927, м. 10). Последняя раскопанная в 1927 г. могила находилась в нескольких десятках метров к югу от предыдущей. Оградки, насыпи и плит перекрытия не было видно. Погребение ориентировано длинной осью по линии З–В. Ящик имел следующие размеры: длина – 1,6 × 0,62 м (0,4 м – ЮЗ), глубина – 0,57 м. На грунтовом дне могилы лежали разрозненные кости мужского скелета. Череп и тазовые кости – в северо-восточном углу, ноги – в западной части могилы и «обращены были на запад». По дну всей могилы находились отдельные кости барана и трехсегментные ярусные бляшки-накладки (ил. 3, 4). В юго-восточном углу стоял глиняный сосуд со сферическим дном и стоячей шейкой (ил. 3, 1), а в северо-восточном углу, близ костей черепа и нижней челюсти найдены: пара спирально завитых височных колец (ил. 3, 3); большое количество пронизок, свернутых из медных листочков (ил. 3, 7), бусин из перламутра речной раковины (ил. 3, 6), яшмы (ил. 3, 10) и сердолика (ил. 3, 2) и медных скобочек, по-видимому, накладных украшений какого-то ремешка (в ГЭ – 40 экземпляров, ил. 3, 8, 11).

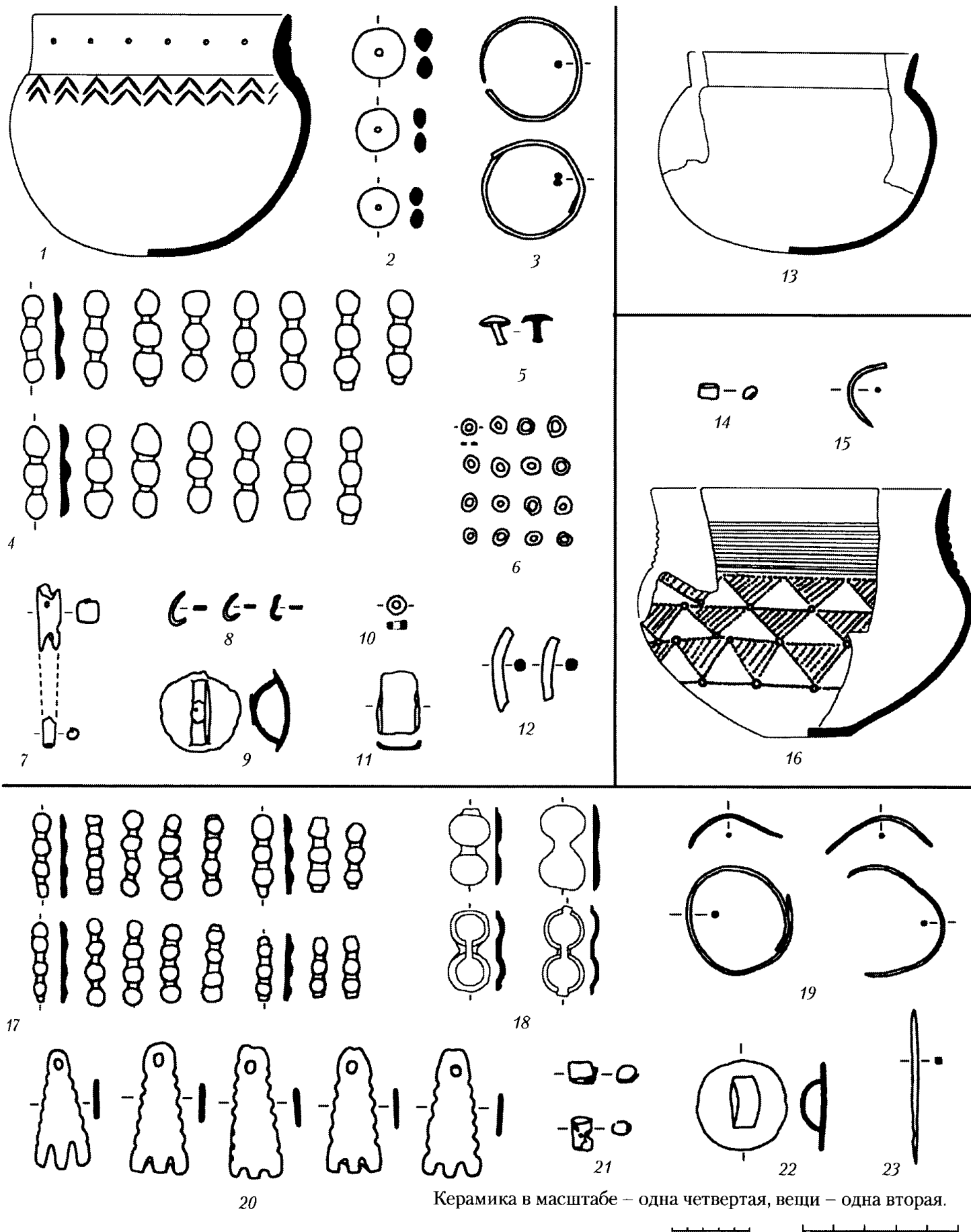
Кроме того, в собрании Государственного Эрмитажа хранятся два фрагмента височного кольца (ил. 3, 12), «гвоздик» (ил. 3, 5) и пуговица с петелькой (ил. 3, 9), числящиеся за этой могилой. В тексте описания могилы их нет, но в описи находок указано: «Обломки колец из медной проволоки. Медная круглая

бляха с петлей. Круглая накладка из меди, со стерженьком в виде шляпки гвоздя».

Могила 14 (1928, м. 1). Кольцевидная ограда из плашмя положенных плиток имела диаметр 5,2 м. Насыпи и покровной плиты над могилой не было. В центре ограды из-под дерна выступала четырехугольная рама из плашмя положенных плит. Ее длина – 2 м, ширина – 1 м, ориентирована длинной осью по линии ЮЗ–СВ. Она обрамляла границы четырехугольной, очень мелкой (не глубже 0,2 м), могильной ямы. Непосредственно под дерном по середине могилы у юго-восточной стенки найдены фрагменты двух сосудов со сферическим дном (ил. 3, 13) и отдельные кости скелета человека. Положение сохранившихся костей дало возможность установить ориентировку погребенного головой на северо-восток, и захоронение его со скорченными в коленях ногами, с некоторым наклоном на левый бок. Черепа и многих крупных костей не было найдено. Среди костей человека обнаружена разрушившаяся цилиндрическая бусина из белой мастики. В южном углу могильной ямы найдена баранья лопатка. Плохая сохранность погребения объясняется мелкой могильной ямой.

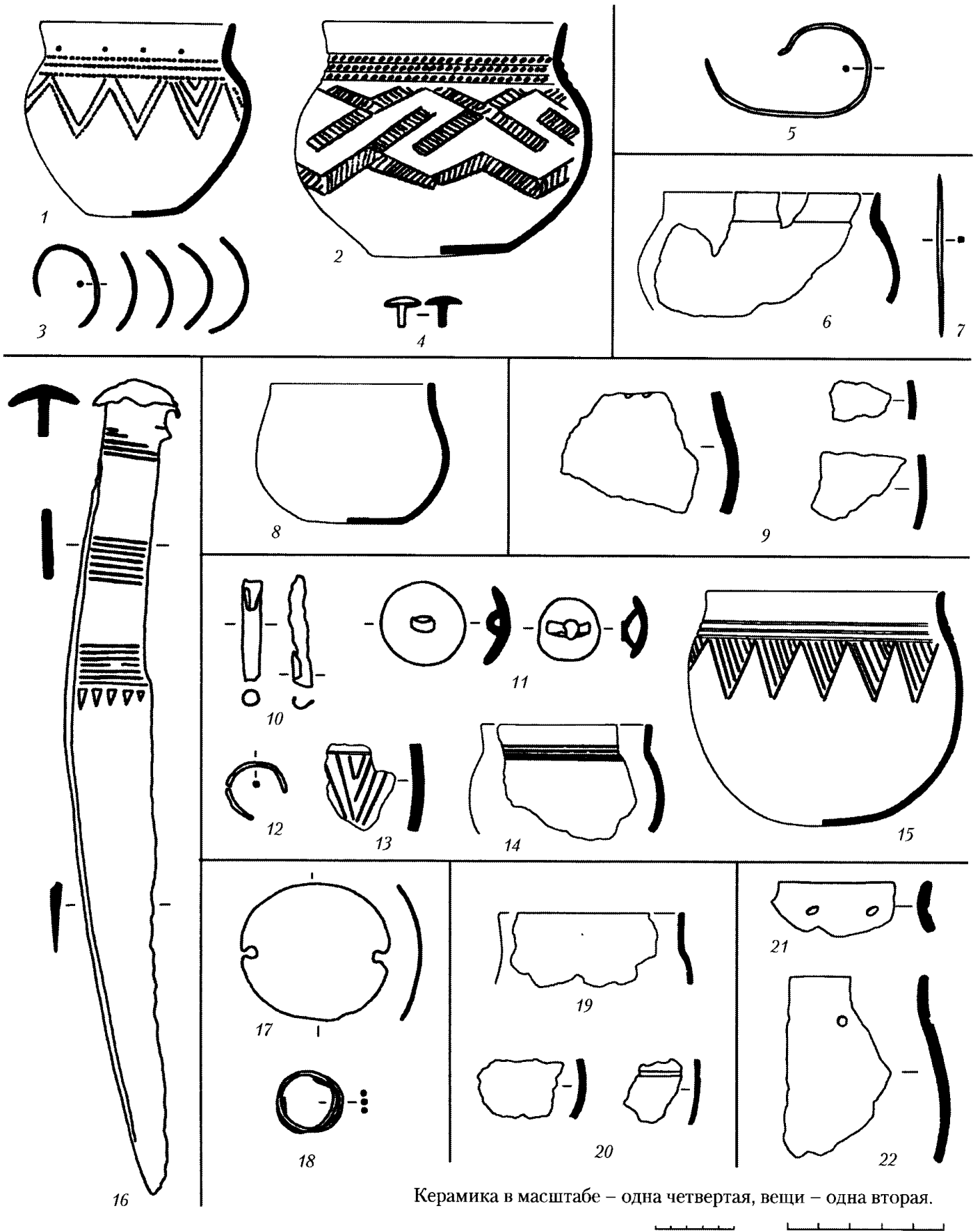
Второй сосуд на хранение в Государственный Эрмитаж не поступил, однако сохранилось его описание: «Глиняный сосуд со сферическими стенками и слегка уплощенным дном. Плечики сосуда незаметно переходят в шейку; на нижней части последней нанесен поясок из выдавленных колечек. Диаметр венчика – 14 см, наибольший диаметр – 17,5 см, высота – 14 см».

Могила 15 (1928, м. 2). Четырехугольная ограда из поставленных на ребро мелких плиток имела следующие размеры, 5,4 × 4,6 м. Длинной осью она была ориентирована по линии ВСВ–ЗЮЗ. Насыпи и покровных плит над могильной камерой не было. Боковые стенки последней выступали на поверхности степи. Камера, ориентированная длинной осью с ВСВ на ЗЮЗ, имела следующие размеры: длина – 1,47 м, ширина ВСВ стенки – 0,88 м, ЗЮЗ стенки – 0,8 м, глубина – 0,65 м. На дне камеры в большом беспорядке лежал кости



Ил. 3. Материалы могильника Окунев Улус I:

1-12 – могила 13; 13 – могила 14; 14-16 – могила 15; 17-23 – могила 16



Керамика в масштабе – одна четвертая, вещи – одна вторая.

Ил. 4. Материалы могильников Окунев Улус I: 1-4 – могила 17; 5 – могила 18; 6-7 – могила 19; 8 – могила 22; 9 – могила 23; Окунев Улус II: 10-15 – могила 1; 16 – могила 2; 17, 18 – могила 3; 19-20 – могила 4; 21-22 – могила 5

скелета человека 17–18 лет. Разрушенный череп – в центре камеры, кости ног, ключицы и плечевые кости – в восточно–северо–восточном конце. Среди костей ног найдено 14 колечек из медных пластинок (ил. 3, 14) и обломок медного кольца (ил. 3, 15). В западно–юго–западном конце камеры обнаружены фрагменты глиняного сосуда (ил. 3, 16). Кроме того, на глубине 0,16 м обнаружены черепки горшка, вероятно, афанасьевской культуры.

Могила 16 (1928, м. 3). Ограды, насыпи и покровных плит над могильной камерой не было. Камера, ориентированная длинной осью с ВСВ на ЗЮЗ, имела следующие размеры: 1,9 × 0,9 м, глубина – 0,56 м. Стенки ее из сплошных плит (до 0,03 м) едва выдавались на поверхности степи. На дне камеры вдоль северо–северо–западной стенки лежал в некотором беспорядке скелет женщины, черепом на восток–северо–восток. В восточном углу находились черепки небольшого глиняного сосуда с уплощенным дном и кости передней ноги барана с лопаткой. Сохранилось только описание сосуда: «Глиняный сосуд с вытянутой шейкой, с сильным расширением в области плечиков и уплощенным дном. В шейке имеются два сквозных, противоположенных отверстия. Диаметр венчика – 5,8 см, наибольший диаметр – 10 см, высота – 7,5 см». Ближайшие аналогии – Арбан I, могила 50 (20, ил. 7, 2) и Хара-Хая, погребение 24 (23, ил. 5, 1).

На ребрах скелета, по линии от правой ключицы к нижнему концу грудной кости, лежали следующие медные предметы: 16 четырехкружковых (ил. 3, 17) и 4 двухкружковые плоские нашивки (ил. 3, 18), две пронизки-трубочки (ил. 3, 21) и шесть лапчатых привесок (в ГЭ хранятся 5 экземпляров, ил. 3, 20). По бокам черепа в области висков обнаружено восемь обломков медных колец (ил. 3, 19). Кроме того, в могиле найдены сделанные из меди: четырехгранное шило (ил. 3, 23), обломки плоской бляхи, уплощенная бляха с петлей (ил. 3, 22) и предмет в виде «головки гвоздя или шила». А также в описи находок есть «Круглая бляшка из меди, выпуклая с лицевой стороны,

снабженная с обратной стороны круглым в сечении усеченным шпеньком».

Могила 17 (1928, м. 4). Четырехугольная оградка из плиток, поставленных на ребро, имела следующие размеры: с ЗЮЗ на ВСВ – 6 м, с ССЗ на ЮЮВ – 5 м. Плиты толщиной 0,02–0,03 метра, едва выдавались над поверхностью степи. В центре ограды находилась могильная камера длиной – 1,93 м, шириной в ЗЮЗ конце – 0,72 м, в ВСВ – 0,76 м, глубиной – 0,71 м. Длинной осью камера была ориентирована по линии ВСВ–ЗЮЗ. На дне камеры лежали в беспорядке кости скелета женщины (череп в южном углу, затылком кверху); некоторые кости отсутствовали (не найдено позвонков). В западном углу камеры стояли два глиняных сосуда с уплощенным дном (ил. 4, 1, 2); неподалеку от них, к востоку–северо–востоку, вдоль северо–северо–западной стенки, лежали кости передней ноги и лопатки быка. Среди них найдены: обломки кольца из медной проволоки (ил. 4, 3) и две трубочки-пронизки, свернутые из медных листочков. С левой стороны от черепа обнаружены обломки второго медного кольца и 17 плоских бусин-кружочков из перламутра речной раковины. Кроме того, в собрании Государственного Эрмитажа хранится «гвоздик» (ил. 4, 4), числящийся за этой могилой. Однако ни в отчетах, ни в дневниках он не упоминается.

Могила 18 (1928, м. 5). Ограды, насыпи и покровных плит над могильной камерой не было. Последняя, ориентированная длинной осью по линии ЮЗ–СВ, имела следующие размеры: длина – 1,8 м, ширина северо–восточного конца – 0,67 м, юго–западного – 0,5 м, глубина – 0,62 м. Боковые стенки камеры выступали на поверхности степи. На дне камеры лежали кости скелета человека в полном беспорядке; черепа и многих костей скелета (в том числе бедра, большой берцовой кости) не было обнаружено. Между костями скелета найдены: зуб человека, а на медиальной линии у северо–восточной стенки – обломок медного височного кольца (ил. 4, 5), цилиндрическая

мастиковая бусина и плоская бусина-кружок из перламутра речной раковины.

Могила 19 (1928, м. 6). Ограды, насыпи и покровных плит над могильной камерой не было. Стенки могильной камеры, ориентированной длинной осью по линии ЮЗ–СВ, едва выдавались на поверхности степи. Камера имела следующие размеры: длина – 1,94 м, ширина северо-западного конца – 0,56 м, юго-западного конца – 0,74 м, глубина – 0,56 м. На дне могилы лежали кости скелета женщины в беспорядке. Найдены зубы, но черепа и некоторых костей скелета не было обнаружено. По медиальной линии у юго-западной стенки найдены фрагменты глиняного сосуда (ил. 4, 6) и медное шило (ил. 4, 7). Кроме костей человека в могиле находились кости ноги овцы и зуб лошади.

Могила 20 (1928, м. 7). Кольцо оградки из положенных плашмя плиток, почти совершенно разрушенных, диаметром 10 м. В середине обнаружена циста 2,0 × 2,0 м, стенки которой состояли из каменной кладки толщиной 0,3–0,4 м. Высота цисты – 0,5 м, ее верхний край начинается на глубине 0,25 м от поверхности степи (нижний, соответственно, – 0,75 м). По всей могиле – дробленые кости различных животных. В южной части – черепки от сосуда на глубине 0,7 м. Кости овцы, быка, лошади.

В южной части могилы на глубине 0,7 м – фаланга человека и фрагменты дна сосуда на поддоне (ил. 5, 2). На глубине 1 м от поверхности степи – нетронутый грунт. С. А. Теплоухов в дневнике высказал предположение: «Не жертвенная ли это яма?»

Могила 21 (1928, м. 8). С северо-восточной стороны к могиле 20 примыкало полукольцо. После раскопок оказалось, что это сооружение – без всяких находок.

Могила 22 (1928, м. 10). Оградка из плашмя положенных плиток диаметром 6,20 м. В центре ограды помещалась могильная камера, ориентированная длинной осью по линии ЮЗ–СВ и сделанная из четырех плит толщиной – 0,02 м. Размеры ящика 1,3 × 0,58 м

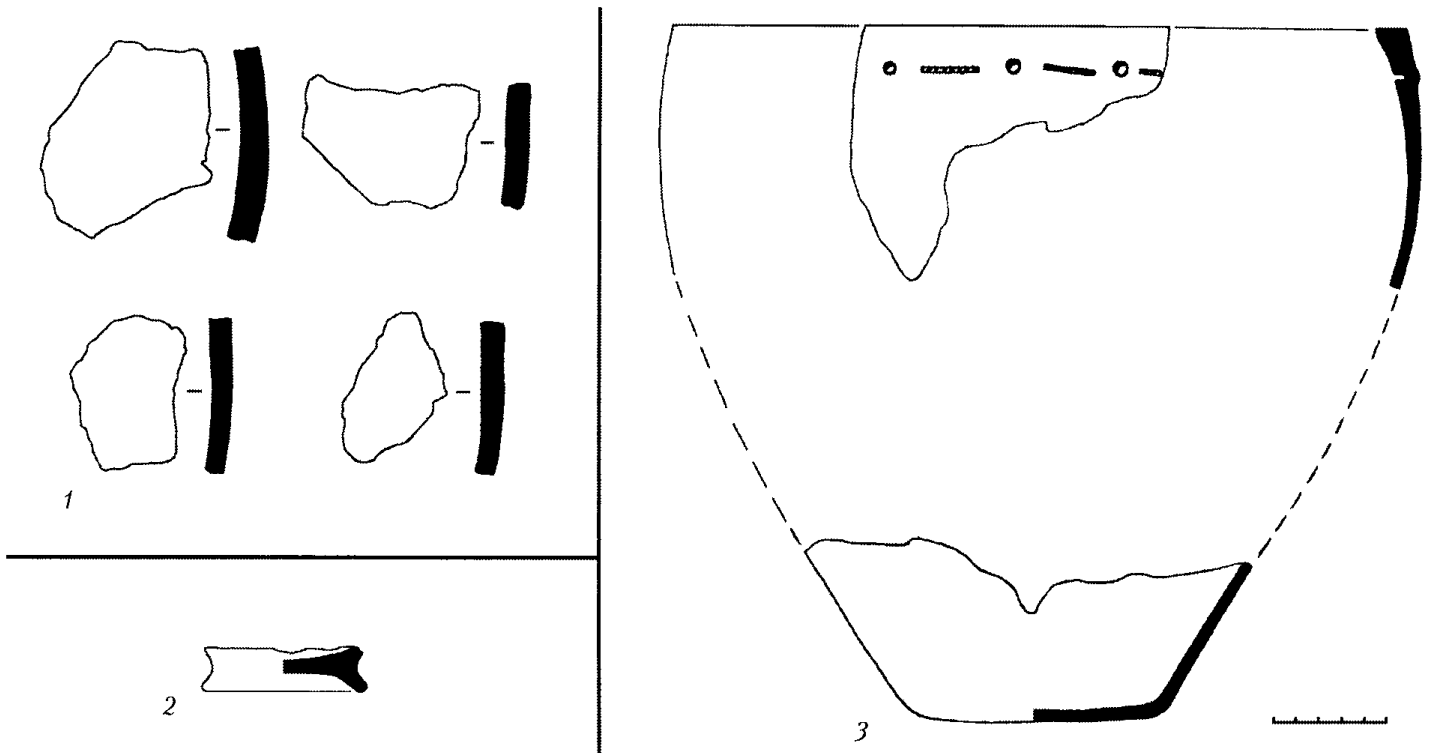
(0,5 м, ЮЗ), глубина – 0,5 м. На дне камеры вдоль северо-западной стенки лежал скелет младенца, головой на северо-восток. В восточном углу стоял глиняный сосуд (ил. 4, 8). У юго-западной стенки найдены кости передней ноги и лопатки овцы.

Могила 23 (1928, м. 12). Ограды, насыпи и плит перекрытия над могильной камерой не было. Стенки ящика выступали на поверхности степи. Ящик, ориентированный длинной осью по направлению ЗЮЗ–ВСВ, имел следующие размеры: длина – 1,9 × 0,8 м (0,83 м, ЮЗ), глубина – 0,6 м, толщина плит стенок достигала 0,04 м. Каждая длинная стенка состояла из двух плит, а короткая – из одной. В юго-западном конце камеры обнаружены фрагменты двух глиняных сосудов, найденные на разной глубине. В северо-восточном конце могильной камеры на дне лежали в беспорядке череп и другие кости скелета женщины: нижняя челюсть, лопатка, плечевые, бедра, грудная кость, ребра, позвонки, крестец; только кости голени и стопы обеих ног лежали в порядке, параллельно друг к другу и были обращены дистальными эпифизами к востоку–северо-востоку. В восточном же конце камеры найдены кости передней ноги и лопатка овцы, а также кости птицы.

С. А. Теплоухов считал, что залегание костей только на дне камеры дает основание сомневаться в том, что могила была ограблена, и выдвигал предположение, что скученность костей в одном конце камеры может быть связана с деятельностью каких-либо животных. Однако следует отметить, что фрагменты сосудов относятся к разным эпохам. Три фрагмента стенки – карасукского сосуда (ил. 4, 9) и крупные фрагменты венчика и дна сосуда – байновского этапа тагарской культуры (ил. 5, 3), что позволяет предположить наличие впускного тагарского захоронения в карасукскую могилу, которое затем было ограблено.

Окунев Улус II

Могила 1 (1928, м. 9). Ограды, насыпи и плит перекрытия над могильной камерой не



Ил. 5. Инокультурные материалы могильника Окунев Улус I: 1 – могила 1; 2 – могила 20; 3 – могила 23

было. Ящик, ориентированный длинной осью по направлению ВСВ–ЗЮЗ, имел следующие размеры: $1,60 \times 0,7$ м, глубина – 0,6 м. Стенки могильной камеры из сплошных плит девонского песчаника имели толщину около 0,02 м. На грунтовом дне, ближе к северо–северо–западной стенке камеры, лежал скелет юноши (15–16 лет), на спине, обращенный черепом на восток–северо–восток. Кости скелета сохранили правильное расположение, за исключением костей левого предплечья, лежавших в юго–юго–западном конце камеры вместе с костями ног. Вдоль западно–юго–западной стенки лежали кости ноги и лопатка лошади. У правой височной кости черепа найдено медное кольцо (ил. 4, 12), а под черепом медные «буски-трубочки» (одна разрушена) (ил. 4, 10). В южном углу камеры обнаружена медная бляха с петлей, в восточном – аналогичная бляха (ил. 4, 11), глиняный сосуд и фрагменты двух разрушенных сосудов (ил. 4, 13, 14, 15).

Могила 2 (1928, м. 13). Ограды и насыпи обнаружено не было. На поверхности степи едва выступали ребра погребальной камеры.

Покровные плиты провалились в могилу. Ящик, ориентированный длинной осью по линии В–З, имел следующие размеры: $2,0 \times 1,0$ м, глубина – 0,6 м. На дне в могиле обнаружено два скелета: мужской, вдоль южной стенки, от которого сохранились кости таза и ног, и второй, от которого остались только кости ног (пол не установлен). Оба скелета ориентированы в восточном направлении и, вероятно, положены на спину. Черепа и большая часть костей посткраниального скелета отсутствуют. В ногах зафиксированы угли. Кроме того, в заполнении могилы обнаружены кости овцы, пронизка-трубочка и полновесный бронзовый нож с грибовидной шляпкой (ил. 4, 16).

Могила 3 (1928, м. 14). Ребра плит погребения едва выдавались на поверхности. Размеры ящика – $2,10 \times 0,85$ м (0,7 м – ЮЗ), глубина – 0,65 м, стенки из нескольких плит. В могиле – истлевшие кости мужского скелета, обращенного головой на северо–восток. Все бронзовые предметы под черепом: височное кольцо (ил. 4, 18), три двухъярусные бляшки, нашивная бляшка (ил. 4, 17) и две бронзовые трубочки пронизки.

Могилы 4 (1928, м. 16). Насыпи и ограды не было. Длинной осью могила была ориентирована В–З. Ребро плиты западной стенки могилы едва выдавалось на поверхности степи. Плиты, укреплявшие остальные стенки могильной ямы, были разрушены, так же как и провалившиеся в могилу плиты покрытия. Обломки последних находились внутри погребальной камеры. В могиле (размеры ящика – 2 × 0,87 м (0,85 – ЮЗ), глубина – 0,7 м) по длинной стороне стояли по 2–3 плиты. В северо-восточном конце они на 0,3 м выходили за пределы камеры. На высоте 0,25–0,3 м от дна камеры найдены два черепка. На глубине 0,4 м у середины юго-восточной стенки камеры, на небольшой плитке лежал череп мужчины на правом виске, с нижней челюстью. Череп был обращен теменем к востоку. Рядом найдена пяточная кость. Кости верхней половины скелета мужчины находились вдоль северной стенки в правильном положении друг относительно друга в северо-восточной половине могилы. «Скелет лежал на спине и был ориентирован верхней челюстью на СВ.» Кости левой кисти находились по левому краю таза. У юго-восточной стенки, на расстоянии 0,7 м от северо-восточной, обнаружены черепки от двух глиняных сосудов (ил. 4, 19, 20). Среди ребер найдены обломки медных листочков, – по-видимому, пронизок, – в виде медных трубочек. Следы окиси меди имелись на позвонках и ключице. В разных местах могилы были найдены кости переднего стерна овцы.

Могилы 5 (1928, м. 17). Квадратная ограда (5 × 5 м) из мелких плиток, поставленных на ребро, едва выступала на поверхности степи. На глубине 0,5 м обнаружена могильная яма, ориентированная по линии ВСВ–ЗЮЗ. Длина – 1,7 м, ширина ВСВ стенки – 0,5 м, ЗЮЗ – 0,7 м, глубина дна могильной ямы от поверхности степи – 0,7–0,8 м. У самого дна могильная яма была обставлена плитками, высотой до 0,2 м. В юго-западном конце могилы на дне, на расстоянии 0,5 м от короткой стенки лежал раздавленный череп мужчины с нижней

челюстью и другие кости в беспорядке. Тут же найдены кости быка. В центре могилы на дне, у северной стенки обнаружен череп женщины, обращенный затылочным отверстием кверху. По всей могиле встречались черепки от двух глиняных сосудов (ил. 4, 21, 22) и трухлявые кости человека. Все найденные предметы были прикрыты слоем мелких плиток на глубине 0,5 м от поверхности степи.

Общая характеристика материалов могильников

Кроме материалов эпохи поздней бронзы, в представленной серии погребений фиксируются следы трех хронологических эпох: афанасьевской, окуневской и раннетагарской.

В могилах 1 и 15 могильника Окунев Улус I встречаются фрагменты афанасьевской керамики (ил. 5, 1).

В случае могилы 15 их появление носит явно случайный характер. Они обнаружены под дерном, а в могиле зафиксирован инвентарь карасукской культуры. Вероятно, они попали на территорию кургана случайно. С могилой 1 все гораздо сложнее. Ее ограда выполнена в виде кольца из плашмя положенных плит диаметром 17 м. Такие большие сооружения крайне редки для карасукской культуры. Обычно их диаметр не превышает 12–13 м, а чаще гораздо меньше. В центре столь монументальной ограды находится небольшой по размерам ящик, длиной всего 1,8 м. Нехарактерными для карасукской культуры являются и его пропорции 1,8 × 1 м. В заполнении ящика обнаружены фрагменты афанасьевской керамики и кости человека, которые на основании радиоуглеродного датирования должны быть отнесены к периоду окуневской культуры (2466–2299 гг. до н. э.).

Учитывая, что ни один из этих элементов напрямую не указывает на связь с карасукскими памятниками, можно предположить, что этот курган относится к иной археологической эпохе. Вероятно, основное сооружение было возведено в афанасьевское время. Это объясняет размеры ограды и практически

полное отсутствие насыпи. Затем в его центральную часть было впущено окуневское погребение (каменный ящик), которое разрушило центральную грунтовую яму афанасьевской культуры. В результате отдельные фрагменты афанасьевской керамики попали в могилу, но согласно радиоуглеродному анализу кости человека датируются окуневским временем.

На основании некоторых особенностей погребения, можно предположить, что и могила 8 датируется не карасукским временем, а эпохой ранней бронзы. Радиоуглеродный анализ костей человека показал период – 2191–1979 гг. до н. э. Этот отрезок соответствует радиоуглеродным датам памятников окуневской культуры. Следует обратить внимание на сравнительно толстые стенки ящика, ориентировку по линии С–Ю и несоответствие размеров ящика росту покойного. Возможно, он был положен в могилу с поднятыми вверх коленями, что характерно для обряда окуневской культуры. Учитывая полное отсутствие сопроводительного инвентаря, не прослеженную ограду, а также наличие вблизи окуневского могильника Окунев Улус, иная культурная трактовка этого погребения кажется вполне вероятной.

Иная ситуация с могилой 23 (Окунев Улус I), где в карасукском по конструкции ящике кроме собственно карасукской керамики обнаружены крупные фрагменты сосуда баиновского этапа тагарской культуры (ил. 5, 3). По всей видимости, в данном случае имеет место переиспользование карасукского ящика для более позднего захоронения, которое впоследствии тоже было ограблено. Известны десятки таких случаев. Этому вопросу посвящена специальная работа Г. А. Максименкова, где представлена предварительная сводка подобных повторных захоронений и разобраны некоторые связанные с ними вопросы [10, с. 159–167].

Данную трактовку подтверждает радиоуглеродная дата образца из этой могилы (896–804 гг. до н. э.).

Хронологию еще одного погребения (Окунев Улус I могила 20) определить крайне сложно. В круглой ограде из плит положенных плашмя диаметром 10 м, зафиксирована опущенная в яму циста размерами 2 × 2 м, также сложенная из плит. Единственная находка – фрагмент сосуда на поддоне (рис. 5, 2). Круглая ограда позволяет датировать курган афанасьевской, андроновской или карасукской культурой. Однако для памятников карасукской культуры не известны квадратные по форме цисты, опущенные в яму ниже уровня горизонта и сосуда на поддоне. Андроновские могилы иногда бывают выполнены в виде аналогичных цист [11, табл. VII и др.] и изредка содержат сосуда на поддоне [11, табл. XLVI-4], но они не встречаются южнее широты современного города Абакан [1, с. 41–42; 12, с. 29; 6, с. 104; 19, с. 29]. В афанасьевских могилах могут встречаться фрагменты поддона курильницы, однако не зафиксировано ни одного случая сооружения цист, и нет случаев пристроек к ограде (могила 21). Таким образом, вопрос о дате этого погребения приходится пока оставить открытым.

Погребения эпохи поздней бронзы представлены материалами «классического» этапа карасукской культуры. Могильник располагается в южной части ареала культуры. К сожалению, именно этот район очень слабо исследован. Ближайшие памятники этого хронологического горизонта были раскопаны значительно выше по течению реки Уйбат (могильники Уйбат I, IV, Бея, Чарков), в устье реки Абакан (Абакан I–VIII, Подсиняя I–II) или на ее правом берегу (Белый Яр V). В связи с этим сопоставление материалов с целью установления районирования невозможно.

При внимательном изучении материалов обращает на себя внимание малочисленность зафиксированных оград (10 на 28 могил). Это неудивительно, если учитывать, что специальные раскопки за пределами могил не проводились. С. А. Теплоухов фиксировал ограду только в том случае, когда она выступала

на поверхности степи, и весьма вероятно, что в большинстве случаев ограды просто не были замечены. Можно только отметить, что представлено два наиболее распространенных вида конструкций: ограды из вертикальных плит, поставленных на ребро, и ограды в виде колец, сложенных из плитняка [17, с. 10–11]. Все ограды круглой формы, имеющие значительные размеры – от 10 до 17 м (могилы 1, 11, 20, 21 – Окунев Улус I) оставляют сомнения в их принадлежности к карасукской культуре. Размеры круглых оград, в могилах которых был обнаружен датирующий инвентарь карасукского времени, варьируются от 3 до 6,2 м в диаметре (могилы 12, 14, 22 – Окунев Улус I). Все три прямоугольные ограды из вертикально вкопанных плит имеют практически идентичные размеры (~5 x 5 м).

Наличие оград круглой формы совершенно нехарактерно для южных районов ареала культуры. Обычно значительный процент круглых оград, сооруженных из плашмя положенных плит, представлен в гораздо более северных памятниках (Сухое Озеро II, Карасук I, Кюргеннер I и др.). Это неудивительно, так как эти конструкции, видимо, связаны с наследием андроновской культуры Среднего Енисея, для которой они весьма характерны [10, с. 54–55]. Учитывая, что в южных районах андроновские памятники не встречаются, минимальное количество круглых оград в карасукское время вполне естественно. Могильник Окунев Улус I выглядит некоторым исключением на общем фоне.

подавляющее большинство погребений (21 из 26) совершено в опущенном в могильную яму каменном ящике прямоугольной (50%) или трапециевидной (50%) формы. Обычно верхние края плит немного (на 3–5 см) выступают над уровнем погребенной почвы. Размеры ящиков разнообразны, так как почти всегда точно соответствуют росту и комплекции погребенного. Ориентированы все могильные конструкции одинаково, по оси СВ–ЮЗ с некоторыми, – видимо, сезонными отклонениями.

В двух случаях могилы (Окунев Улус I, могилы 14 и 20) сооружены в виде цист, сложенных из горизонтально положенных плит песчаника. Как уже отмечалось, могила 20 более схожа с аналогичными андроновскими конструкциями. В то же время вторая циста (могила 14) имеет все признаки, свойственные именно карасукским сооружениям. Она сложена в теле насыпи с весьма небольшим заглублением ниже уровня погребенной почвы и по форме не отличается от каменных ящиков. В результате естественного процесса разрушения насыпи циста очень сильно пострадала, и С. А. Теплоухов зафиксировал только самый нижний ряд плит. Лучше сохранившиеся конструкции широко представлены прежде всего в материалах могильника Сухое Озеро II и других памятниках северной части ареала культуры – Черновой Лог I, Барсучиха I, Карасук I, Варча I. Ареал наземных цист совпадает с ареалом андроновских памятников на Среднем Енисее, где они тоже представлены, хоть и не в таком большом количестве [11, с. 57–59].

Иная конструкция зафиксирована С. А. Теплоуховым в могиле 5 (Окунев Улус II) – грунтовая яма с обставкой у дна из каменных плит. По-видимому, это несохранившийся до наших дней сруб, а обставка выполняет роль забутовки между стенками ямы и самим срубом. Подобные конструкции очень редки для «классических» памятников и относятся к наиболее поздним погребениям, переходным по отношению к каменноложскому этапу, где они являются ведущим типом. Об этом же свидетельствует наличие просевшего в могилу перекрытия из мелких плиток, которое могло опираться только на деревянную основу. Использование деревянных конструкций (сруба и перекрытий) совершенно нехарактерно для «классических» карасукских памятников.

Ориентировка погребенных по костным останкам была установлена С. А. Теплоуховым 11 раз. Во всех случаях они были обращены головой в северо-восточном направлении

с небольшими отклонениями от единой оси. Однако наряду с этим можно обратить внимание на несколько каменных ящиков трапециевидной формы, имеющих расширение с юго-западной стороны (Окунев Улус I, могилы 4, 5, 19, 23). В целом, для «классического» этапа карасукской культуры более характерна северо-восточная ориентировка (приблизительно 74 % случаев). При этом подавляющее большинство погребений головой в юго-западном направлении сконцентрировано в южной части ареала культуры, и Окунев Улус I–II по этому признаку не выбиваются из общего ряда памятников.

Несколько сложнее ситуация с положением погребенного в могиле. В могилах 7, 12 и 14 могильника Окунев Улус I зафиксировано традиционное для «классического» этапа карасукской культуры положение костяка вдоль одной из стенок вполоборота, с опорой плечевым поясом и тазом на стенку ящика. Более того, в могиле 7 удалось установить часто встречающееся положение костей рук: левая рука вытянута вдоль тела, правая костями кисти – на крыле таза. Подробное описание традиционного для «классического» этапа карасукской культуры положения погребенного приведено в специальной работе И. П. Лазаретова [5, с. 39–46]. В трех погребениях из могильника Окунев Улус II (могилы 1, 2 и 4) С. А. Теплоухов описал костяки, которые, по его мнению, были положены на спину, в позе, получившей распространение в основном с появлением памятников каменоложского этапа. В остальном погребальный обряд могильников ничем не отличается от основной массы «классических» карасукских погребений. Сосуды устанавливались слева от головы или грудной клетки погребенного, рядом на уровне пояса или колен – сопроводительная пища. Дважды (могилы 6 и 25) зафиксированы парные погребения, иногда встречающиеся в карасукских могильниках [15, табл. 49, 54]. В качестве мясной пищи в могилы 15 раз было положено мясо овцы и по 1 разу – коровы и лошади. Чаще всего

С. А. Теплоухов обозначает набор костей как стегно (верхняя часть ноги от таза до колена, бедра или бедро. См.: Даль, 1955, т. IV), однако более детально этот вопрос разработан другими исследователями [2, с. 180].

Наиболее интересен сопроводительный инвентарь, находившийся в погребениях. Всего обнаружено 26 сосудов, сохранившихся в достаточной степени для проведения анализа. Почти половину этой серии керамики составляют типично карасукские неорнаментированные сосуды с круглым или уплощенным дном и уступом у основания шейки (ил. 2, 6, 10, 11, 12, 17; ил. 3, 13; ил. 4, 6). Дополняют эту картину не менее часто встречающиеся сосуды с орнаментом в виде нескольких желобков у основания шейки (ил. 2, 1, 7; ил. 4, 14, 20) и их производные с простым дополнительным орнаментом (ил. 2, 14, 15; ил. 4, 13, 15), а также сосуды с ямками на шейке (ил. 2, 3; ил. 4, 9, 21, 22). Аналогии вышеназванным типам керамики можно найти практически в любом известном могильнике «классического» этапа карасукской культуры. Они составляют более 80 % от всего числа известных карасукских сосудов [17, с. 7–10].

Однако наряду с этими типичными образцами гончарного производства в материалах могильника встречены и более редкие изделия, не всегда находящие аналогии в керамической традиции культуры или имеющие ограниченный ареал. В качестве примера можно привести «бадейки», фрагменты одной из них обнаружены в могиле 3 могильника Окунев Улус I (ил. 2, 4). Это сосуды с плоским дном и вертикальными стенками без выраженной шейки и ручками или отверстиями по бокам. Подобных сосудов всего насчитывается 14 экземпляров, но все они, за единственным исключением (Сухое Озеро II, курган 247, могила 1), обнаружены в памятниках южной части ареала культуры [18, табл. L: 10, 11; 8, ил. 27, 4; 4, ил. 4, 3; ил. 7, 3 и др.]. В этом ряду «бадейка» из могильника Окунев Улус I не выпадает из общего контекста.

В этом же районе зафиксированы аналогии второму сосуду из могилы 17 могильника Окунев Улус I. Орнамент на нем выполнен зубчатым штампом в виде трех линий у основания шейки и свисающих фестонов и дополнен ямками на шейке (ил. 4, 1). Подобная техника и композиция часто встречаются на сосудах из южных могильников Терт-Аба [15] Хара-Хая [4; 23], Арбан I [20] и других, а также поселения Торгажак [18]. На основании узкой локализации могильников с превалированием сосудов орнаментированных зубчатым штампом и серии других признаков в юго-западной части Минусинской котловины предложено выделять особую «арбанскую» группу памятников [20, с. 71–72]. Могильник Окунев Улус I–II как раз оказывается на северо-восточной периферии этой группы, и появление подобных единичных сосудов подтверждает верность очерченных границ.

В противовес «арбанской» группе сосуд из могилы 13 могильника Окунев Улус I (ил. 3, 1) аналогичен целой серии керамики из могильников, расположенных в северной части ареала культуры (Сухое Озеро, курган 83, курган 141 могила 12; Малые Копёны III, курган 78, могила 2 [3, ил. 6, 9 и др.]). Сосудов с близким орнаментом (без ямок под венчиком) можно насчитать несколько десятков, причем все они встречаются только в памятниках к северу от могильника Окунев Улус I–II [ил. 6, 3 – сосуды V типа]. В южных памятниках подобная керамика неизвестна.

Кроме вышеперечисленных случаев, нужно упомянуть два сосуда, имеющие лишь отдаленные аналогии по своим формам и орнаментации среди известной карасукской керамики (ил. 3, 16; ил. 4, 2). Существование в одной могиле с традиционными типами не дает оснований сомневаться в их датировке. Некоторые элементы орнамента (семь желобков, желобки с насечками, колечки на вершинах фестонов, меандровый орнамент), дают основание предположить инокультурное происхождение, связанное с андроновскими традициями. Учитывая, что в последнее время в материалах

карасукской культуры выделены серии сосудов, имеющих прямые аналогии в материалах культур из сопредельных регионов (еловской и саргары-алексеевской), можно ожидать, что со временем удастся найти аналогии и этой керамике [17, с. 7–8, типы V и VII].

Металлический инвентарь представлен традиционными височными кольцами и их обломками (ил. 2, 18; ил. 3, 3, 12, 15, 19; ил. 4, 3, 5, 12, 18), шильями (ил. 3, 23; ил. 4, 7), пуговицами (ил. 3, 9, 22; ил. 4, 11), пронизками (ил. 2, 5; ил. 3, 14), нашивными бляшками (ил. 4, 17) и скобочками (ил. 3, 8, 11). Все эти изделия характерны для широкого круга культур постандроновского типа. Кроме того, в могилах представлены некоторые категории металлического инвентаря, являющиеся «визитной карточкой» карасукской культуры: лапчатые привески (ил. 3, 20), ярусные бляшки (ил. 3, 4, 17, 18) и «гвоздики» (ил. 2, 16; ил. 3, 5; ил. 4, 4), причем все эти предметы имеют распространение исключительно в южных районах ареала «классического» этапа карасукской культуры, и в материалах северных могильников встречаются как исключение.

Отдельно необходимо обратить внимание на предметы, которые С. А. Теплоухов интерпретировал как пронизки (ил. 2, 5; ил. 3, 7, 21; ил. 4, 10). Внимательное их рассмотрение в фондах Государственного Эрмитажа позволило сделать несколько наблюдений, дающих возможность взглянуть на них с другой точки зрения. Во-первых, эти трубочки встречаются парами; во-вторых, диаметр одной всегда больше чем диаметр другой; в-третьих, дважды они сохранили явно прямоугольную форму разреза (ил. 3, 7, 21); и, в-четвертых, у трубочки большего диаметра иногда встречается отверстие у края (ил. 3, 7). По сумме этих наблюдений можно предложить несколько иную их интерпретацию. Возможно, они представляют собой обкладки концов некоего несохранившегося конического изделия (скорее всего деревянного), – вероятно, игольника. В таком случае все эти наблюдения находят свое логичное объяснение.

Кроме вышеперечисленных предметов, в погребениях было найдено четыре ножа, один из которых – миниатюрный, имеет прямоугольное сечение и, возможно, сделан из раскованного шила (ил. 2, 8). Остальные – полновесные, относятся к различным типам и заслуживают более пристального внимания.

Нож из могилы 12 могильника Окунев Улус I (ил. 2, 19) типичен для северных районов ареала культуры. Практически идентичные изделия были найдены во всех крупных северных карасукских могильниках (Сухое Озеро II, курган 252, могила 4; курган 349, могила 1; Мара, курган 1, могила 2; Карасук I, ограда 18, могила 2; Уйбат I, могила 10; Малые Копены III, курган, 127, могила 2). Этот тип ножей отличаются кольцевидное навершие с острым краем, характерный профиль разрезов рукоятки и лезвия, плавная дугообразная форма, отсутствие шипа и 2–3 поперечных бугра в месте перехода от рукоятки к лезвию [17, с. 12–13, тип II]. Они сочетаются в погребениях с сосудами только определенных типов, и могильник Окунев Улус I не исключение. В сочетании с этим ножом тоже обнаружен сосуд с уплощенным дном и уступом (ил. 2, 17).

В могиле 9 могильника Окунев Улус I был обнаружен нож с обломанным лезвием, находящийся в очень плохом состоянии (ил. 2, 13). Несмотря на это можно проследить некоторые признаки, позволяющие найти ему аналогии. По всей видимости, нож имел кольцевидное навершие с тремя кнопками, шип на месте перехода от рукоятки к лезвию и орнаментированную с двух сторон треугольниками плоскую рукоятку [17, с. 12–13, тип III]. По сумме этих признаков ему наиболее близки ножи из погребений в могильниках Бея, могила 3 и Абакан погребения 15–16 [9, табл. 9, 3]. Этот тип ножей тоже сочетается в могилах с вполне определенным набором керамики, и сосуды, орнаментированные горизонтальными резными линиями по шейке, являются наиболее характерными (ил. 2, 14).

Последний нож из могилы 2 могильника Окунев Улус II (ил. 4, 16) имеет очень широкий круг аналогий, но только среди ножей из погребений в могильниках южной части ареала культуры: Абакан, погребения 21 [9, табл. 11, 4]; Белый Яр V, могила 2, 77; Хара-Хая, погребение 33 [ил. 9, 23]; Терт-Аба, курган 23, могила 1 [15, табл. 55] и других [17, с. 12–13, тип IV]. Грибовидная шляпка, кольцо под навершием, группы поперечных насечек на рукоятке, шип и треугольные фестоны на нем встречаются и на ножах каменноложского этапа культуры (Уйбат III, курган 4; Бейская Шахта, могила 1, 2 и другие). Этот тип ножей, по всей видимости, можно считать наиболее поздним в рамках «классического» этапа культуры.

Интересен факт присутствия среди инвентаря изделий из перламутра речной раковины и полудрагоценных камней: яшмы и сердолика, очень редко встречающихся в погребениях (ил. 3, 2, 6, 10). Практически единственная аналогия – это бирюзовая бусина из могильника Кюргеннер I, курган 47, могила 3. Чаще археологи имеют дело с пронизками или подражаниями раковинам каури, сделанным из аргиллита. Можно отметить, что по всему комплексу инвентаря могила 13 могильника Окунев Улус I, откуда происходят все эти предметы, явно выделяется из общего ряда. Компактное их расположение в могиле вместе с бронзовыми обкладками в районе нижней челюсти позволяет предположить существование ожерелья или нагрудника, иногда встречающихся в карасукских материалах [14].

В лаборатории Отдела научно-технической экспертизы Государственного Эрмитажа старшим научным сотрудником С. В. Хавриным проведен рентгено-флюоресцентный анализ спектрального состава части бронз (28 предметов). Только в шести случаях было зафиксировано содержание присадки олова свыше 1 %, причем сразу для нескольких изделий в одной могиле (Окунев Улус I, могилы 12, 15, 16). Остальные предметы изготовлены из меди без содержания лигатуры.

Максимальное содержание олова (5–7%) обнаружено в обломке височного кольца из могилы 15 (ил. 3, 15).

В свете последних работ по относительной хронологии карасукских памятников можно попытаться определить положение на этой шкале могильников Окунев Улус I–II [7; 16; 17]. По сумме признаков Окунев Улус I представлен материалами двух хронологических горизонтов. Более ранний I-б (могилы 4, 6, 7, 12, 14, 19) выделяется, в первую очередь, на основании сосудов с уступом. В качестве дополнительных признаков можно отметить ограды круглой формы, наземную цисту, нож из могилы 12. Все эти признаки позволяют датировать перечисленные погребения концом I этапа. Остальные могилы могут быть отнесены к следующему хронологическому горизонту (II этап). Подобная ситуация очень характерна для памятников южной части ареала культуры, где полностью отсутствуют самые ранние карасукские погребения (этап I-а). Все могильники начинают функционировать начиная либо с этапа I-б, либо уже со II этапа. По всей видимости, карасукское население проникло на эту территорию относительно поздно (даже в рамках горизонта I-б). Это хорошо заметно по немногочисленности погребений этого времени. Аналогичную датировку имеют могильники Сабинка II, Терт-Аба, Быстрая II–III и некоторые другие.

Окунев Улус II имеет более узкую датировку – II этап. Однако малочисленность раскопанных погребений не позволяет утверждать это однозначно. Возможно, продолжение раскопок памятника позволит выявить и несколько более ранний пласт погребений. Необходимо также отметить, что грунтовая яма с обставкой и перекрытием из мелких плиток (Окунев Улус II, могила 5) свидетельствует о постепенном переходе к следующему, III (начало каменоложского этапа по хронологии М. П. Грязнова) этапу культуры.

В последние годы С. В. Святко была получена серия из шести радиоуглеродных дат могильников Окунев Улус I–II [25, с. 243–273]. Анализы были сделаны на основе костного материала. Они прокалиброваны по единой методике с использованием программы CALIB 5.0.2 и калибровочной кривой IntCal04. Из шести дат три оказались полностью соответствующими современным представлениям о датировке «классического» этапа карасукской культуры (Окунев Улус II, могилы 2 и 5). Все они укладываются в хронологический период 1388–980 гг. до н. э. и могут быть сопоставлены с датами других карасукских памятников. Данные еще трех образцов (Окунев Улус I – могилы 1, 8, 23) заметно отличаются. В сумме с другими наблюдениями, они позволяют отделить несколько погребений, относящихся к иным археологическим культурам.

Лабораторный индекс	Материал	Источник образца (номер по дневнику)	¹⁴ C BP	2σ cal BC
UBA-8783	Кость человека	Окунев Улус I, могила 1 (1926, могила 1)	3894±25	2466–2299
UBA-8781	Кость человека	Окунев Улус I, могила 8 (1927, могила 5)	3687±25	2191–1979
UBA-8778	Кость человека	Окунев Улус I, могила 23 (1928, могила 12)	2685±27	896–804
UBA-8779	Кость человека	Окунев Улус II, могила 2 (1928, могила 13)	2962±24	1293–1060
UBA-9338	Кость человека	Окунев Улус II, могила 2 (1928, могила 13)	2890±27	1194–980
UBA-7928	Кость человека	Окунев Улус II, могила 5 (1928, могила 5)	2987±55	1388–1052

Таким образом, материалы могильников Окунев Улус I и II не выходят за рамки традиционных представлений о памятниках этого хронологического горизонта. Некоторые их особенности отражают географическое положение и непосредственно связаны с особенностями локальных групп карасукских могильников, некоторые объясняются

хронологическими причинами и проявлением переходных признаков. К сожалению, ограниченный объем информации, связанный с отсутствием детальных чертежей и планов могильников, не позволяет провести более углубленный и тщательный анализ их материалов.

Литература

1. Вадецкая Э. Б. Археологические памятники в степях среднего Енисея. Л., 1986.
2. Грязнов М. П., Пяткин Б. Н., Максименков Г. А. Карасукская культура // История Сибири. Л., 1968. Т. 1. С. 180–187.
3. Зяблин Л. П. Карасукский могильник Малые Копёны III. М., 1977.
4. Кызласов Л. Р. Карасукский могильник Хара-Хая // СА. 1971. № 3. С. 170–188.
5. Лазаретов И. П. Каменнолоожские погребения могильника Арбан 1 // Археологические изыскания. 1995. № 24. С. 39–46.
6. Лазаретов И. П. Локализация и проблемы взаимодействия культур Южной Сибири // Евразия сквозь века. СПб., 2001. С. 103–107.
7. Лазаретов И. П. Заключительный этап эпохи бронзы на Среднем Енисее: автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2006. 34 с.
8. Липский А. Н. Раскопки древних погребений в Хакасии в 1946 г. // КСИИМК. 1949. № 25. С. 75–86.
9. Липский А. Н. Карасукские погребения (1200–700 гг. до н. э.) в городе Абакане // Краеведческий сборник. Абакан, 1956. № 1. С. 93–157.
10. Максименков Г. А. О значении некоторых тагарских погребений // Археология Северной и Центральной Азии. Новосибирск, 1975. С. 54–55.
11. Максименков Г. А. Андроновская культура на Енисее. Л., 1978. С. 57–59.
12. Молодин В. И. Бронзовый век Южной Сибири – современное состояние проблемы // Проблемы изучения истории и культуры Алтая и сопредельных территорий. Горно-Алтайск, 1992. С. 25–29.
13. Новгородова Э. А. Центральная Азия и карасукская проблема. М., 1970. 192 с.
14. Павлов П. Г. К реконструкции карасукского погребального костюма // Археологические изыскания. 1995. № 24. С. 47–56.
15. Павлов П. Г. Карасукский могильник Терт-Аба. СПб., 1999.
16. Поляков А. В. Схема периодизации классического этапа карасукской культуры // Степи Евразии в древности и Средневековье. СПб., 2002. С. 209–213.
17. Поляков А. В. Периодизация «классического» этапа карасукской культуры (по материалам погребальных памятников): автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2006. С. 10–11.
18. Савинов Д. Г. Древние поселения Хакасии. Торгажак. СПб., 1996.
19. Савинов Д. Г. К проблеме выделения позднего этапа окуневской культуры // Теория и практика археологических исследований. Барнаул, 2005. Вып. 1. С. 28–34.
20. Савинов Д. Г., Поляков А. В. Могильник Арбан I (к проблеме изучения памятников эпохи поздней бронзы на юге Минусинской котловины) // Археологические Вести. Москва, 2007. № 14. С. 62–92.
21. Теплоухов С. А. Древние погребения в Минусинском крае // МЭ. 1927. Т. 3. Вып. 2. С. 91–108.
22. Теплоухов С. А. Опыт классификации древних металлических культур Минусинского края: материалы по этнографии. Л., 1929. Т. IV. Вып. 2. С. 41–62.
23. Филиппова Е. Е. Новые находки в карасукском комплексе Хара-Хая // Вопросы археологии Хакасии. Абакан, 1980. С. 85–102.
24. Членова Н. Л. Хронология памятников карасукской эпохи. М., 1972.
25. Svyatko S., Mallory J., Murphy E., Polyakov A., Reimer R. New radiocarbon dates and review of the chronology of prehistoric population from the Minusinsk basin, Southern, Southern Siberia, Russia // Radiocarbon. Arizona, 2009. Vol. 51. N 1. P. 243–273.